

ЛЮДМИЛА МАРТОВА

ЗЕРКАЛО ГРАФА
ДРАКУЛЫ

Людмила Мартова
Зеркало графа Дракулы

«ЭКСМО»

2019

Мартова Л.

Зеркало графа Дракулы / Л. Мартова — «Эксмо», 2019

«Нужно обладать определенной смелостью, чтобы иметь в лучших подругах профессиональную модель. По крайней мере, Кате Брусницыной нравилось думать о себе, что она смелая. У нее самой внешность была вовсе не модельная, а совсем даже обычная. Среднего роста, с ничем не примечательной фигурой и простеньким, хоть и милым личиком, живым и выразительным благодаря большим ясным глазам...»

© Мартова Л., 2019

© Эксмо, 2019

Людмила Мартова

Зеркало графа Дракулы

Нужно обладать определенной смелостью, чтобы иметь в лучших подругах профессиональную модель. По крайней мере, Кате Брусницыной нравилось думать о себе, что она смелая. У нее самой внешность была вовсе не модельная, а совсем даже обычная. Среднего роста, с ничем не примечательной фигурой и простеньким, хоть и милым личиком, живым и выразительным благодаря большим ясным глазам.

Волосы русые, прямые, спускающиеся ниже лопаток, не отличающиеся буйством кудрей, но довольно густые и блестящие. Это бабушка еще в детстве приучила Катю мыть их яичным желтком, и привычке Катя не изменяла даже сейчас, когда шампуней и кондиционеров в магазинах стало столько, что глаза разбегались. Одевалась она тоже простенько, поскольку зарплата медсестры с такими понятиями, как «имидж» и «стиль», не сочеталась. Джинсы, футболка летом, свитерок зимой, куртка практичная и немаркая, обязательно с капюшоном, яркий шарф, подаренный подругой Миленой, про который та говорила, что он – «акцент».

Кате нравилось считать, что акцент у ее шарфа французский, потому что Милена привезла его из Парижа. Сама Катя в Париже никогда не была, да и вряд ли будет. Какая граница на ее зарплату. Турция если только.

Милена же по Парижам, Миланам и Лондонам раскатывала постоянно. Она работала в крутом питерском модельном агентстве, регулярно получавшем приглашения на показы, в том числе и за границей.

Милена с самого детства была красавицей, не то что простушка Катя. Своей подругой Катерина очень гордилась и нисколько рядом с ней не комплексовала. Это бабушка ее научила – никогда не расстраиваться по поводу того, что ты не можешь изменить.

Она точно знала, что подруга ее любит. Вот и в гости в Питер пригласила, потому что соскучилась. Даже не написала, а в кои-то веки позвонила и позвала пожить у нее недельку.

Именно поэтому сейчас Катя тряслась на верхней полке плацкартного вагона, билет в который был куплен из экономии, и размышляла о своей смелости и решительности, с которыми она направлялась навстречу приключениям. Почему-то в том, что приключения будут, Катя даже не сомневалась.

Впервые в Питер Катю привезла бабушка, и было это классе в шестом. Именно тогда Катя в первый раз увидела Эрмитаж, Медного всадника, величественный Исаакий, не падающую колоннаду Казанского собора, с первого взгляда и навсегда влюбилась в Невский, обалдела от фонтанов Петергофа, в общем, выполнила всю ту обязательную туристическую программу, которая была хорошо знакома любому российскому гражданину.

Уже потом, когда сюда перебралась Милена, регулярно ездившая к ней на каникулах Катя узнала совсем другой Питер, не пафосный, не парадный, с облезлыми дворами-колодцами, облупившейся лепниной фасадов, темными мрачными арками, отчаянно пахнущими мочой. Узнала и полюбила.

Жизнь шла своим чередом, Милена закончила институт культуры, Катя – медучилище. Подруга уже всю ходила по подиуму, летала в заграникомандировки, в ее мире было много музыки, света, сплетен и интриг, она крутила захватывающие романы, влюблялась, ссорилась, мирилась, с шиком носила меха и непринужденно ездила на дорогих автомобилях. У Кати жизнь состояла из уколов, прогреваний, компрессов, сменяющихся пациентов, не все из которых были приятными в общении.

Вдобавок заболела бабушка, мучительно уходила из жизни, цепляясь за нее до последнего худенькими, ослабшими руками. Катя всегда была рядом, по ночам согревала выросшие ее руки своим дыханием, укутывала бабушке ноги, давала попить. Стало не до Питера

с его огнями и манящей жизнью, как и Милене стало не до нее и ее таких скучных, серых, горестных проблем.

Так и получилось, что в последний раз в столь любимый ею город на Неве Катя ездила, страшно сказать, семь лет назад. И вот теперь он ждал ее снова, и она всю ночь не смыкала глаз, предвкушая, как это будет.

Милену встречала ее на перроне, что было неожиданно и потому особенно приятно. Катя невольно залюбовалась подругой – высокой, тоненькой-тоненькой, с бесконечными ногами, высокой грудью, длинными платиновыми волосами, разбросанными по спине ярко-алого пуховика в художественном беспорядке, которого можно добиться лишь годами практики. Катя плотнее натянула вязаную шапку, под которой скрывался обычный «конский хвост» – прическа, подходящая на все случаи жизни.

Высокие каблуки, сладкий, совсем не утренний аромат тяжелых духов, маленькая блестящая сумочка на цепочке, перекинута через плечо, буклированный, сложно завязанный шарф, тот самый «акцент», наличие которого Милену считала строго обязательным. Катя похвалила себя, что в спешке не забыла свой шарф, надела тоже.

– Катька! – Милену завизжала от радости, повисла у подруги на шее. – Как же я рада, что ты приехала! Бессовестная ты, совсем меня забыла.

– Как же я могу тебя забыть? – Катя тоже счастливо засмеялась. – Ты моя самая лучшая подруга, самая любимая. Миленчик, как же я по тебе соскучилась. Ты сегодня не работаешь? Со мной будешь?

– Почти. – Подруга лукаво улыбнулась и тут же начала командовать, как делала всегда, по давно укоренившейся привычке. В их паре Мила Фалькова, то есть сейчас, конечно же, Милену Фальк, всегда была ведущей, а Катя Брусницына – ведомой, но ее такое распределение ролей совсем не смущало. – Сегодня мы едем смотреть площадку моих завтрашних съемок. Это часа на два-три. Свет выставить, локации определить.

– Слушай, Милка, а изменения в программе возможны? Зачем мне с тобой тащиться на твою работу. Я тебя там только отвлекать буду, я же в фотосессиях твоих не смыслю ничего. Ты поезжай, а я в Русский музей сгоняю.

– О-о-о-о, началось в деревне утро, – Милену картинно закатила глаза. – Вот не берут тебя годы, Брусницына, и не учат ничему. В планах по-прежнему Русский музей. Но! – тут она подняла вверх указательный палец с нежным нюдовым маникюром. – Так как я давно тебя знаю, то основательно подготовилась к твоему приезду. В общем, фотосъемка у меня назначена в очень даже историческом месте. Там интерьеры закачаешься, и история такая, что кровь в жилах стынет. В общем, тебе понравится, тем более что это место как будто специально для тебя предназначено.

– Почему это? – удивилась Катя.

– Потому что это особняк Брусницыных.

Что и говорить, Милену всегда удавалось удивить свою подругу, удалось и сейчас. При том, что Катя действительно хорошо знала историю Питера, о доме Брусницыных, приходившихся ей то ли однофамильцами, то ли даже предками, она слышала впервые.

– И где этот особняк? – заинтересованно спросила она.

– На Ваське. Кожевенная линия, если тебе это о чем-то говорит. Вообще-то это территория завода, который давно закрыт и разрушается потихоньку. Но административное здание там такой красоты, что закачаешься. На втором этаже сохранились первозданные интерьеры, в которых даже кино снимали. И «Шагал-Малевич» Митты, и «Матильду» скандальную, и «Анну Каренину» Соловьева. Там дом Вронского был. Вот скажи мне, Брусницына, ты разве можешь отказаться увидеть дом Вронского?

– Не могу, – засмеялась Катя. – Нет, все-таки какое ты чудо, Милка! И как ты только этих Брусницыных нашла?

– Ну, положим, нашла не я, а один очень близкий мне человек, – загадочно сказала Милена. – Вообще-то это памятник федерального значения, только до него никому дела нет, поэтому он разрушается прямо на глазах. Между прочим, туда сейчас фотосессии не пускают и экскурсии тоже, но Влад договорился. Так что, Брусницына, это уникальный шанс, зацени.

– А кто это – Влад? – спросила Катя, когда они уже забрали с подземного паркинга машину – маленький, юркий, ярко-красный «Фольксваген-Жук».

По фотографиям в Инстаграме Катя знала, что раньше у Милены был «БМВ», большой, тяжелый, основательный, но надо было признать, что стильная маленькая машинка подруге очень шла.

– Это мой молодой человек, – Милена озорно улыбнулась и тряхнула своими тщательно уложенными волосами. – Он из очень богатой семьи. Они владеют ювелирным домом, для которого мы завтра и проводим фотосессию. Мы с ним познакомились на одном из показов, и он загорелся, чтобы моделью для их новой коллекции была именно я.

– У вас с ним серьезно?

Милена засмеялась, ловко встраиваясь в поток идущих по Лиговке машин.

– Катька, с тебя можно с ума сойти, честное слово. У нас с ним роман. Очень красивый. С букетами, шампанским и ужином на питерских крышах. Причем все это – и шампанское, и цветы, и ужины – очень дорогое. Еще у нас секс, от которого он дуреет, а я нет. И именно это обстоятельство заставляет меня думать, что замуж я за него вряд ли пойду.

– А он зовет? – Кате вдруг стало обидно за неизвестного ей Влада.

Милена снова вздохнула.

– Кать, ты просто бронтозавр какой-то. Если я захочу, то позовет, куда денется. Но я не хочу.

– А машину эту тебе он подарил?

– А, эту... Нет. То есть да, это машина его сестры. Она сейчас в Англии учится, так что ей пока без надобности, а я свою машину продала, осталась временно без колес, вот он и дал попользоваться.

– А почему продала?

– Ка-а-а-ать, – теперь уже в голосе Милены звучала легкая укоризна. – Зачем люди продают машины? Поменять решила. И вообще это неинтересно. Давай, рассказывай, как ты живешь.

Рассказывать было решительно нечего. Ну, живет она в бабушкиной квартире, в которой никак не соберется сделать ремонт. Ну, ходит каждый день на работу. Ну, дежурит ночами, чтобы заработать побольше. В свободное время читает книги, смотрит фильмы, научилась вышивать крестиком. Пожалуй, и все.

– Катька, как можно так жить? – В голосе Милены звучал неприкрытый ужас. – Это же тоска серая. Если бы я так одну неделю провела, то с крыши бы спрыгнула. А ты годами в этой мгле обитаешь. Неужели тебе не хочется, чтобы за окнами Нью-Йорк с высоты пятидесятого этажа...

– Хочется, – кивнула Катя. – Конечно, хочется. Но я совершенно спокойно воспринимаю тот факт, что никогда в моей жизни этого не будет.

– А в моей будет, – в голосе Милены вдруг послышались близкие слезы, Катя внимательно посмотрела на подругу, но та уже полностью овладела собой. – Обязательно будет. Все, вылезай, приехали.

В двухкомнатной квартире, старой, запущенной, с кое-как сделанным косметическим ремонтом, было темно, пыльно и сильно захламлено. Вдоль узкого коридора стояли какие-то узлы и коробки, об одну из которых Катя сильно стукнулась, зашипела, заскакала на одной ноге, потирая ушибленную вторую.

– Милка, ну как ты в таком бардаке живешь?

– Да некогда мне убирать. При моем ритме жизни, то съемки, то поездки, вернешься домой в три часа ночи – и спать, в полдень вскочишь, а уже бежать пора.

– Ну, давай, пока я здесь, я тебе генеральную уборку сделаю, – со вздохом предложила Катя. – На какое-то время хватит.

– Ага, а потом снова приедешь. – Милена уже скинула свой красный пуховик, сунула его, не глядя, в какой-то угол и теперь махала Кате рукой с порога кухни. – Да брось ты, Катя, все равно я отсюда съезжаю.

– Куда? – удивилась Катя. – Другую квартиру снимаешь? А зачем, тебе же так этот район нравился.

Подруга замялась, но на самую малость, на долю секунды, не больше.

– Да нет, я квартиру себе купила.

– Ух ты, так это же здорово, ты теперь настоящая петербурженка будешь. Покажешь?

– Что?

– Квартиру новую, балда.

– Не, Катя, она на самом краю Питера, в одном из новых районов. Далеко тащиться. Да и ремонт там идет. К Новому году обещали закончить, вот я потихоньку вещи и собираю. Чтобы потом не сразу. Все, я варю кофе, раздевайся уже, заботушка.

Теперь в голосе подруги сквозило раздражение, и Катя привычно почувствовала себя нескладной обузой. Она скинула свой немаркий пуховичок, пристроила его на вешалку, положила рядом рюкзачок, который носила вместо сумки, закатила в угол чемодан, старый, потрепанный, но удобный.

Когда она прошла в кухню, Милена уже хлопотала у кофеварки. Засыпала кофе, запах которого плыл по кухне, дурманя голову.

– Так, еды нормальной нет, поэтому ешь бутерброды, – скомандовала Милена. – Через сорок минут выдвигаемся на Ваську. Игнат отписался, он уже там.

– А кто такой Игнат?

– Фотограф, с которым будем работать. Он, вообще-то, классный парень и специалист хороший. Влад три недели ждал, пока у Игната «окно» в расписании появится. У него лист ожидания такой, что более именитые фотографы позавидуют. Он так свет выставляет, что обалдеть можно. Да и вообще... С ним интересно. Сама увидишь. В общем, ты пока ешь, а я пошла собираться.

Бутерброды оказались прекрасными, кофе крепким. Катя даже глаза зажмурила от удовольствия, так ей было вкусно. Впрочем, сидеть без дела она не любила, поэтому быстро подключилась к вай-фаю, вошла в Интернет и с интересом погрузилась в увлекательную историю особняка Брусницыных, в который ей предстояло отправиться.

Неграмотный крестьянин Николай Мокеевич Брусницын приехал в Петербург в 1844 году, а тремя годами позже основал небольшое кожевенное производство, на котором изначально работало всего-то десять человек. Дела пошли на лад. Николай Мокеевич стал купцом, женился, создал крепкую многодетную семью. Кожевенная мастерская Брусницына процветала. Чуть позже здание, в котором она располагалась, было перестроено, дело расширено до настоящего кожевенного завода на 600 работников, а для себя Брусницыны обустроили роскошный особняк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.